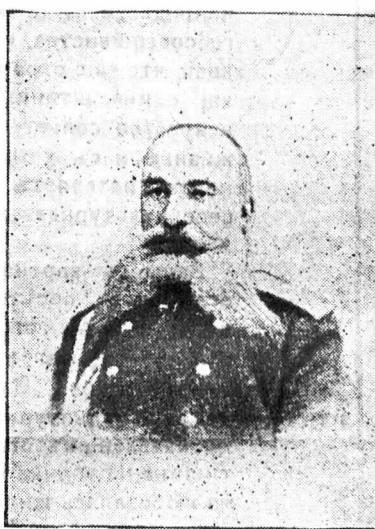

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 8-го июля 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9129

П. Г. Дукмасовъ.

Генераль отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта и предсѣдатель верховнаго военно-уголовнаго суда надъ генераломъ Стесселемъ.

Внукъ Пушкина—претендентъ на Люксембургскій престоль

Вънути Пушкина Протестантъ на Люксембургъ имѣлъ престолъ.
Графъ Георгъ фонъ-МЕРЕНБЕРГЪ съ своимъ сыномъ Георгіемъ
Графа Меренбергъ—сынъ принца Николая Нассаускаго отъ его
морганатического брака съ дочерью Пушкина, Натальей Александровной, въ первомъ бракѣ—Дубельть. Какъ племянникъ величайшаго герцога Люксембургскаго Адольфа, графъ протестовалъ противъ рѣшенія ландтага передать со временемъ престолъ выженскую линію,—дочери телерешняго великаго герцога, не имѣвшаго сыновей.

Д-ръ Адлеръ.

Глава австрійської с.-д. партії.

Скульпторша.

(РАЗСКАЗЪ).

Весна. Много солнца, много воздуха, много движенья въ природѣ.

Классная комната начальной школы ярко освещена апрельскимъ солнцемъ, и лица девочекъ мило улыбаются весеннему дню и внимательно слушаютъ учительницу.

А учительница, Ольга Ивановна, разсказывает имъ о томъ, какъ сотворилъ Богъ міръ.

— И взяль Господь глины, и слѣпилъ человѣка,—говорить учительница, и Таня Нѣгина, шестилѣтня крошка, представляеть себѣ, какъ Богъ береть глину, такую же липкую, какъ у нихъ въ оврагѣ за садомъ, и лѣпить изъ нея человѣка, и ставить его на ноги.

А за окномъ кипитъ жизнь большого южного города и манить на улицу всѣхъ, кто сидѣтъ за урокомъ.

— Сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему и по подобію и вдунулъ въ него душу живую,—продолжаетъ говорить учительница. Назвалъ Богъ первого человѣка Адамомъ. Адамъ открылъ глаза и отъ удивленія передъ красотою сотворенаго міра поднялъ руку и сталъ славить Творца.

Таня не проронила ни одного слова изъ разсказа учительницы и вся ушла въ воображеніе, которое рисовало ей сътврренный міръ такимъ же красивымъ, какъ весна послѣ долгой зимы; и всякий полевой кустарникъ, котораго еще не было на землѣ, и всякая полевая трава, которая еще не росла, и животныя полевые, и птицы небесныя—все пѣло, ликовало и славило тогда Творца.

Кончился урокъ. Дѣти высыпали изъ школы и, какъ стая молодыхъ дроздовъ, полетѣли по улицѣ съ веселымъ щебетаньемъ и своей веселостью вызывали улыбки на лицахъ прохожихъ.

Таня идетъ одна. Она думаетъ. Лицо у нея сосредоточенное, она вся во власти разсказа о сотвореніи міра.

Вотъ и домъ. Таня вошла въ комнаты, положила книги на стулья и пошла въ садъ. Ея мать готовила обѣдъ на кухнѣ.

и удивилась, что Таня не забѣжала къ ней и не поцѣловала,—что она дѣлала каждый день, возвращаясь изъ школы.

Въ саду беззаботно чирикали воробы, и ихъ однотонное—“живъ, живъ”—заглушало пѣніе другихъ птицъ. Деревья въ саду покрылись бѣленыкимъ пушкомъ разбухающихъ почекъ.

тания не слышать пѣнья птичекъ, не замѣчаетъ пушка на деревьяхъ—она думаетъ. Сосредоточенная, спускается она

на дно оврага и палочкой начинаетъ копать грани.

Солнце, знай-себѣ, катилось по знакомой дорожкѣ на западъ и обогрѣвало землю. Въ полѣ за оврагомъ заливались жаворонки.

Надъ головой Тани кружилась бабочка и задѣвала за ея шляпу крылышкомъ, какъ бы говоря: „поймай меня, поймай меня“... Танѣ не до бабочки. Она уже накопала глины и стала лѣпить изъ нея маленькаго человѣчка.

— Гдѣ же Таня? спросила мать у прислуги и, не найдя ея въ комнатахъ, пошла въ садъ, къ обрыву, въ которомъ Таня часто любила сидѣть и лѣпить изъ глины домики, стольки нащихъ.

Таня не замѣтила, какъ подошла мать къ оврагу; пальчики ея прорворо бѣгали по комку глины, придавая ему форму человѣка, а губки ея щепетали:

— Сотворимъ человѣка по образу на-
шему и подобію... Взялъ Богъ глины и
сдѣлалъ сперва туловище... прилѣпилъ
руки... такія же, какъ у маленькаго бра-
та... братъ любить молочко, какъ и свою
мамочку... прилѣпилъ голову... Сдѣлалъ
ушки, носикъ, ротикъ... Будетъ онъ бѣ-
гать въ гимназию.

Мать стояла надъ обрывомъ и любовала свою дочкой. Она видѣла, какъ изъ подъ пальчиковъ Тани вышелъ че-

въчекъ съ большою головою, съ открытымъ ртомъ.

— Вдунулъ Богъ въ него душу живую, — прошептала Таня и начала дуть въ ротъ своему мальчику.

Человѣчекъ не шевельнулся. Тогда на лицѣ Тани появилось скорбное выраженіе, и она стала дуть сильнѣе, и ея лицо отражало уже полное недоумѣніе, разочарованіе, и, наконецъ, она расплакалась.

— Таня, чего же ты плачешь? — спросила мать.

— Миленькая моя мамочка! — вскрикнула Таня и побѣжала къ матери.

— Ну, что? Ну, что? успокаивающимъ голосомъ говорила мать, лаская Таню.

— Какая я несчастная, милая моя мамочка! — плакала Таня, — Богъ сдѣлалъ человѣка и вдунулъ въ него жизнь, и человѣкъ сталъ благодарить Бога, а у меня ничего не вышло.

Мать стала журить ей.

— Это большой грѣхъ, Таня, — говорила она. То, что можно Богу, то намъ нельзя сдѣлать. Вотъ онъ тебѣ ушко отрѣплеть. Больше не будешь лѣпить человѣчковъ...

Таня долго плакала.

II

Прошло много лѣтъ. Много воды утекло съ шестилѣтняго возраста Тани. Она уже окончила гимназію и вотъ уже три года работаетъ въ Парижѣ надъ развитиемъ своего таланта. Ей всѣ знатоки предсказываютъ будущность въ скѣптурѣ. Цѣлые дни теперь у нея уходятъ на изученіе классическихъ образцовъ въ музеяхъ; она слушаетъ лекціи по искусству, по истории и философіи.

Работаетъ она много, но чувства удовлетворенія у нея не было. Два года она работаетъ надъ своимъ Адамомъ; но мраморъ оставался мертвымъ и не передавалъ идею первого пробужденія человѣка.

— Восхитительно! Превосходно! Галантливо! — говорили французы-товарищи, собираясь къ ней по четвергамъ.

— Какой тонкий рѣзецъ! Какое знаніе анатоміи! — вторили имъ нѣмцы-художники. Похвалы товарищѣ кружили голову у Тани, но не надолго. Что-то говорило ей, шептало внутри: «Чего-то не хватаетъ... Не спѣши отдавать на выставку... Жизни нѣть... Жизни нѣть...»

Замыселъ не воплощался. Таня падала духомъ. Не разъ уже хотѣла она разбить статую молоткомъ... Не разъ она давала себѣ слово бросить Парижъ, работу и уѣхать на родину учительствовать. Невидимая рука удерживала ея отъ этого шага.

Национальные танцы на Балеарскихъ островахъ.

весело бѣжали изъ школы, — и вспомнилось ей дѣтство, какъ она бѣжала изъ школы, какъ приходила домой и до объда копалась съ глиной въ оврагѣ.

Таня пошла къ оврагу и замечталась, вспоминая свои школьніе годы. И вспомнился ей Адамъ изъ глины, въ котораго она хотѣла вдохнуть жизнь.

«Какъ много общаго, — подумалъ она. — И тогда Адамъ былъ мертвъ, и теперь онъ не оживаетъ у меня. Что-же дѣлать? — мучительно спросила она себѣ... Думая въ томъ же направлѣніи, она вспомнила урокъ Закона Божіяго въ школѣ. Вспомнили, какъ учительница говорила:

— Назвалъ Богъ первого человѣка Адамомъ. Адамъ открылъ глаза и отъ удивленія передъ красотой сотворенного мира поднялъ руку и сталъ славить Творца.

Тутъ Таня произнесла точно электрическія искры, и она задрожала.

— Онъ отъ удивленія поднялъ руку! — стала она шептать слова учительницы. — Поднялъ руку... Вотъ, вотъ... Въ этомъ всѣ загадка... Адамъ живой, живой... Мой Адамъ пробудился отъ сна...

Таня заторопилась съ отѣзломъ въ Парижъ и черезъ день выѣхала изъ дома... Наступила осень. Въ Grand palais открылась художественная выставка, и парижане потянулись обозрѣвать произведения своихъ любимыхъ художниковъ.

Выставка выдалась на славу. Техника исполненія достигла до такого совершенства, казалось, что еще одна точка, одинъ штрихъ — и искусство сольется съ жизнью, и съ этого момента потеряетъ все свое культурное значеніе.

Залы съ картинами осаждались посѣтителями, и тамъ стояль гуль отъ человѣческихъ голосовъ... Въ залѣ со скульптурнымъ произведеніемъ стояла тишина, и публика молча любовалась живымъ мраморомъ и свое восхищеніе выражала же стами, междометіями.

Въ скульптурѣ застыла идея, отвлеченная мысль человѣческая, и публика невольно чувствовала, что она находится въ «Святыхъ» искусства... Только когда французы подходили къ «Адаму» русской скульпторши Тани Нѣгиной, они не могли удержать своего восхищенія. Адамъ съ приподнятой рукой былъ живой, и въ его лежащей позѣ чувствовалось, что онъ не совсѣмъ еще пробудился отъ сна; приподнятая рука выражала весь восторгъ при видѣ сотворенного мира. Казалось, глядя на статую, что онъ вотъ-вотъ вскочить на ноги и начнетъ своими пѣснями славить Творца. Французы были въ восторгѣ.

Mademoiselle russe! Mademoiselle russe! воскликнули они, — очень хорошо! Tres joli!

Таня Нѣгина получила первую награду и была очень счастлива, и гордилась своимъ Адамомъ, — такъ мать гордится и не налюбуется на своего первенца. Таня Нѣгина была счастлива.

Н. Лѣсникъ.

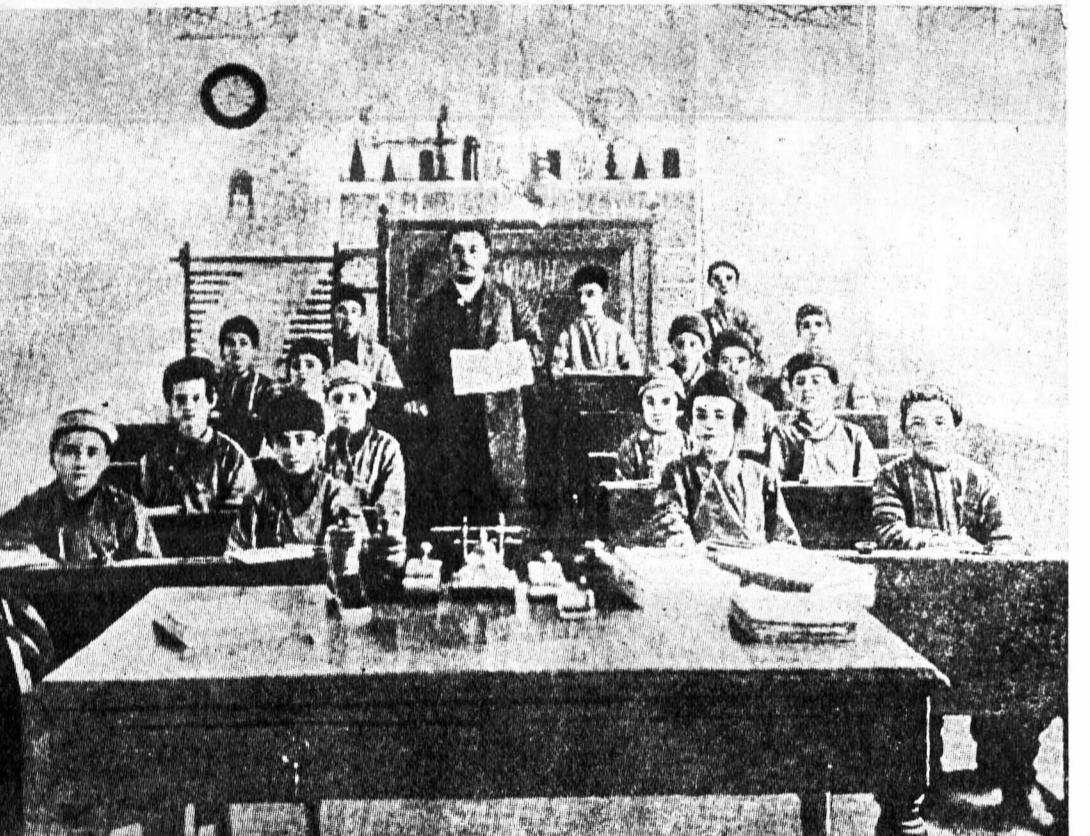
Сколько стоитъ нарядъ свѣтской женщины въ Лондонѣ.

Нѣкій «специалистъ» вычислитъ недавно, какая сумма потребуется на приобрѣтеніе всѣхъ принадлежностей туалета англійской «дамы изъ общества», если выкинуть всѣ экстравагантности и ограничиться только «самымъ необходимымъ».

Итогъ этого вычисления таковъ, что отъ него встанутъ дыбы волосы у любого женатаго гражданина.

Но даже, если бальное платье будетъ стоить «всего» 2,000 рублей, кромѣ платья нужны вещи, которые весьма «округляютъ» расходы.

Нужно самое тонкое батистовое бѣлье, стоящее, по меньшей мѣрѣ, 200 рублей, бальный корсетъ, нижня юбка, которая одна стоитъ 180 рублей, вѣръ изъ перьевъ, цѣною не менѣе 200 рублей, цвѣты (большою частью, орхидеи), бальный туфли, чулки, носовой платокъ изъ настощаго кружева. Олимпъ словомъ, безъ расхода 3,000 рублей порядочная жен-

Школа для бухарскихъ евреевъ въ Новой Бухарѣ.

шина не можетъ обойтись, собираясь на балъ, не считая драгоцѣнностей.

Такимъ образомъ, на всѣ костюмы и принадлежности къ нимъ нужно истратить 8,000 рублей въ день.

Конечно, каждый костюмъ надѣвается не одинъ разъ, но ихъ нужно имѣть столько, чтобы имѣть возможность постоянно перемѣняться.

Современная женщинаѣздитъ на автомобилѣ. Опять новый костюмъ, плащъ, специально нужный для такой єзды, шапочка, перчатки — опять 577 рублей, по очень скромной оцѣнкѣ.

Но лишь послѣ полудня начинаются «настоящія цифры».

Прежде всего, нуженъ костюмъ для Five o'clock. Элегантное платье оцѣнивается въ 1,260 руб.; шляпа стоитъ 240 руб., бѣлье, туфли и опять шелковые чулки, перчатки, кружевной носовой пла-

токъ. Въ одинъ мигъ вылетѣло изъ кармана 2,086 рублей...

Вечеромъ расходы достигаютъ геркулесовыхъ столповъ.

Бальный туалетъ составляетъ самъ по себѣ маленькое состояніе. Можетъ, хотя съ натяжкой, сдѣлать бальное платье за 2,000 рублей, но богатыя модницы тратятъ на него 5, 6 и даже 9,000 рублей, и не считаются это экстравагантностью.

Но даже,

если бальное платье

будетъ

стоить

«всего»

2,000

рублей, кромѣ

платья

нужны

вещи,

которые

весма

«округляютъ»

расходы.

Нужно самое тонкое батистовое бѣлье,

стоящее,

по меньшей

мѣрѣ,

200

рублей;

за одну

хорошо

сши

туалетъ

нужно

заплатить

не менѣе

360

или

380

руб.

мало

мальчи

порядоч

ному

портному;

элегантные сапожки для

верховой єзды

стоитъ

100

или

110

руб.

перчатки отъ 12

до

50

руб.

бѣлье — 68

руб.,

и такъ далѣ.

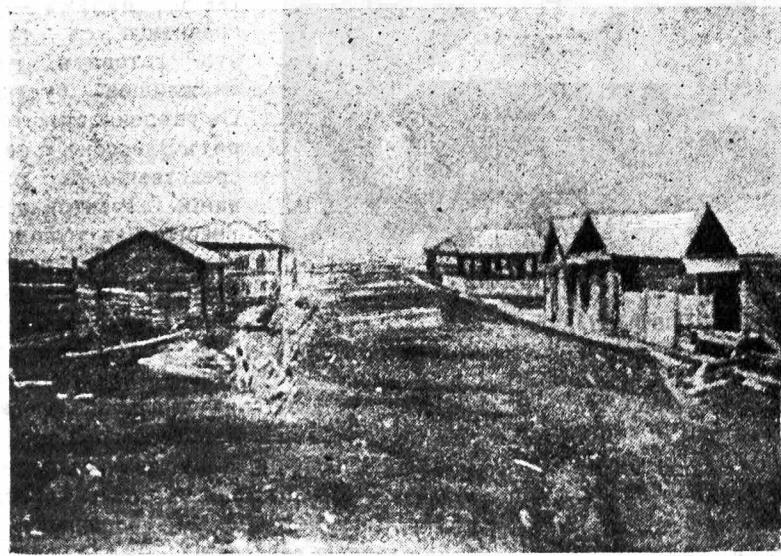
Но такъ какъ

<p

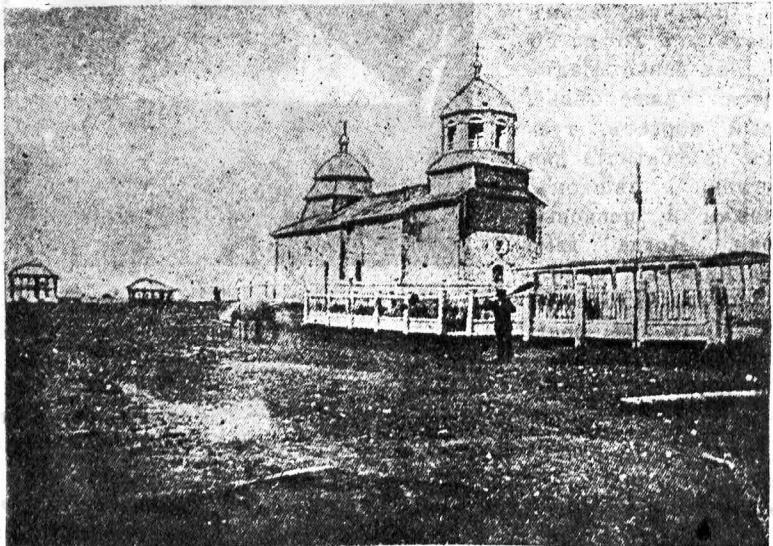

Японский цветник.

виды Нарымского края.

Главная улица Нарыка.

Старая церковь въ Нарымѣ.